

О ВОЗМОЖНОСТИ ИСТОРИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ МЛАДОПИСЬМЕННЫХ ЯЗЫКОВ (НА МАТЕРИАЛЕ СЕЛЬКУПСКОГО ЯЗЫКА)

А.И.Кузнецова

Московский государственный университет, Россия

Научное изучение современных самодийских языков (в том числе и селькупского со всеми его диалектами), начало чему было положено И.А.Кастреном 150 лет назад, в настоящее время достигло достаточно высокого уровня, при котором становится возможным не только синхронное, но и диахронное исследование языка.

Историческое изучение того или иного языка понимается лингвистами не однозначно. С одной стороны, имеется в виду изучение проблем этимологического характера; с другой стороны, — изучение изменений в языке на протяжении какого-то определенного длительного периода времени, начиная с момента появления первых письменных памятников на данном языке.

В последние десятилетия в области самоистики активно ведутся именно этимологические работы: на основании материалов живых самодийских и других уральских языков делаются реконструкции древнего состояния языка, не зафиксированного ни-де, т.е. языка-основы (праязыка). Это — гипотетический язык, "существовавший в реальном пространстве и историческом времени в соответствии с определенным социумом" (Лингвистический энциклопедический словарь. 1990, с.392). Такой язык соответствует универсальным типологическим закономерностям, выведенным на основании других известных языков.

Однако в настоящее время назрела потребность и в работах собственно исторического плана, когда происходит не реконструирование того, что нигде и никем не зафиксировано, а выявление и объяснение реально происходящих изменений в языке в ходе его исторического развития на всех уровнях — в фонетической, морфологической, синтаксической и лексико-семантической системах. Знание истории языка, изучение языковых изменений на протяжении существования письменной традиции позволяет устанавливать направление и характер изменений в языке, их причины; по возможности, заниматься языковым планированием, делать прогнозы на будущее.

Для бесписьменных или младописьменных языков, у которых нет письменных памятников, свидетельствовавших бы об их прошлом состоянии, эквивалентом письменных памятников можно считать полевые записи путешественников, исследователей, сделанные ими в прошлые эпохи. Первая серьезная квазиписьменность у селькупов относится к середине XIX в. Это полевые материалы М.А.Кастрена, тексты, записанные в транскрипции. Сравнение селькупского языка наших дней с языком северных селькупов середины XIX в., а также с языком 20-30-х и 40-50-х годов XX в. (записи Г.Н. и Е.Д.Прокофьевых и Л.А.Варковицкой) дает яркую картину изменений (или устойчивости системы) в области фонетики, грамматики и лексики.

Сопоставление материалов по языку северных селькупов XIX в. (рукописные, хранящиеся в Хельсинки, и изданные Т.Лехтисало и А.Шинером работы М.А.Кастрена), материалов 20-30-х и 40-50-х годов XX в. (изданные и частично рукописные материалы Г.Н.Прокофьева и Л.А.Варковицкой) и, наконец, полевых материалов, собранных экспедициями МГУ в 60-70-е годы XX в., заставляет обратить внимание на ряд наметившихся закономерностей фонетического, грамматического и лексико-семантического развития северного (тазовско-туруханского) диалекта селькупского языка.

Благодаря имеющимся материалам (текстам, словарям, грамматическим описаниям) северный диалект селькупского языка, как по приказу "Сезам, откройся!" может раскрыться с новой стороны. Но чтобы его познать его. Однако круг посвященных в особенности этого языка все сужается: все меньше остается исследователей, понимающих и знающих селькупский язык и словарь, который замечает селькупам литературу. Все сильнее интерференция в языке, особенно в области фонетики и синтаксиса. Все больше эмигрировавших из родного языка. Тем не менее, введенные в научный обиход факты позволяют сделать любопытные наблюдения, касающиеся неустойчивости фонетической системы селькупского языка, ее значительной вариативности (что вполне естественно) и возможных путей появления новых фонем и исчезновения старых.

Далее будут рассмотрены отдельные примеры из области консонантизма и вокализма.

При сравнении материалов XIX в. (записи Кастрена) и XX в. (материалы Прокофьева и материалы 60-70-х гг.) обращает на себя внимание различие слов с начальными *k* и *q*, как в словах *kondege* "спать мерзко" (Кастрен) и *qontyqo* "спать" (Прокофьев);

qatty "город" (Асс.) и *qatty* (Прокофьев; ср. *qatty* - в материалах 70-х гг.) и др. Запись Кастрена - фонетическая, сильно детализированная; путем сопоставления разных вариантов и определения дистрибуции звуков в пределах тазовского диалекта затруднительно найти минимальные пары на *k* и *q* и с достоверностью судить о том, что это - разные фонемы, тем более, что встречается немало случаев колебаний в записи одного и того же слова, сделанной от одного и того же информанта. Так, в рукописных полевых материалах Кастрена (не обработанных и не сведенных к одному варианту Т.Лехтисало) встречаются *kir*, *qir* и *kir*, *loka* и *loka* (возможно, что фонемы *k=q*) и т.п.

Колебания в употреблении *k* и *q* в составе одного и того же слова встречаются и у Г.Н.Прокофьева, который в своих полевых записях также пользуется фонетической транскрипцией, хотя в описании языка он говорит уже о фонематическом статусе *k* и *q*, и в материалах 60-70-х гг. В 60-70-е гг. были записаны *korra* и *qorra* "снег в снегу для ночлега" (колебания в транскрипции этого слова можно обнаружить и у Прокофьева в 20-30 гг.: *qora* и *kora*); *koz* и *qoz* "яги"; *koš* и *qoš* - неопределенная частица "-то"; *kollol* и *qollol* "любопыт"; *karı* и *qarı* "вроде"; *qak* и *qaq* "бор"; *kussatyoqo* и *qussatyoqo* "припугнуть, пригрозить"; *kasulytroyo* и *qasulytroyo* "стрелять; слегка покачивать" и др.

Современные фонемы *k* и *q*, имеющие сейчас минимальную пару *qity* - *qity* "древко, голенище" - "болезнь", попеременно встречаются в свободном варьировании, что видно из приведенных примеров. Подобное варьирование, иногда являющееся результатом пересечения аллофонических рядов двух разных фонем, приводит к расщеплению системы, которое может закончиться изменениями в фонемном составе слова или перестройкой самой системы фонем, когда происходит замещение одной фонемы на несколько (т.е. превращение аллофона в самостоятельные фонемы) или, наоборот, слияние нескольких фонем в одну.

В современном селькупском языке (в тазовском диалекте), как и в языке XIX в., наблюдаются колебания в употреблении долгих гласных, вместо которых встречаются краткие гласные или дифтонги. В рукописях Кастрена, например, существительное со значением "железо" встречается в форме *tšielı*, *tjeel*, *seeli*, *ds'eli*, *seel*, *sel*. В современном языке *sely* обычно звучит с долгой *y*, но может быть и с кратким *e*. У Прокофьева в рукописных мате-

риалах и в изданном словаре к опубликованным сказкам *сѣль* (=сѣль) в значении "день, свет, солнце" встречается и с долгим, и с кратким гласным.

В словах редких, не входящих в повседневный словарный запас языка, долготы оказываются более стойкими. Так, в рукописях Кастрена на 90 случаев употребления существительного *maadur* "богатство" (современное *mādur*) кратких гласных встречается только четыре.

Количество слов, где долгота имеет смыслообразительную функцию, растет (впрочем, возможно, за счет того, что современный словарь по объему больше, чем у Кастрена и Прокофьева), но одновременно общее количество слов с долгими гласными уменьшается и употребление долгих и кратких гласных становится беспорядочным.

В настоящее время, когда появилась возможность начать систематическое историческое (а не только этимологическое) изучение селькупского языка, настала пора отказаться от хронологически неупорядоченного сравнения всех накопленных по разным диалектам и в разные периоды времени материалов по селькупскому языку, что делается систематически во всех работах, в том числе, и последних лет (см. например, монографию Л. Хонти по уральским числительным, статью Я. Алатама по селькупской фонетике и др.).